

A detailed illustration of a young woman with short, dark, wavy hair and bangs, looking directly at the viewer with a serious expression. She is wearing a black, off-the-shoulder dress with lace detailing and a necklace with a rose pendant. She is holding an open book in front of her. The background is a dimly lit library with bookshelves filled with books.

Анна Юрьева

*Наследие Теней:
Запретная кровь*

Анна Юрьева

Наследие Теней:

Запретная кровь. Книга 1

<https://litres.ru/74690623>

SelfPub; 2026

Аннотация

В свой двадцать четвёртый день рождения Юля возвращается домой с тортом, на котором её имя написано с ошибкой, и застаёт своего мужчину с лучшей подругой. Той же ночью кулон, который бабушка велела никогда не снимать, становится тёплым, как ладонь.

Через три дня в квартиру входят чужие. Тётя из тёмного клана, старик с палкой и женщина в платке объявляют Юлю «дверью»: в ней сходятся две крови, белая и демоническая, а такую дверь закрывают, пока она не открылась. Внутри у неё двойня. Бабушка, историк и ведьма, держит их одна и выводит внучку из города, дав ей час.

Начинается дорога: дом за лесом, где старая Оля учит, что силе не приказывают, её слушают; первый круг на поляне, после которого на мху остаётся мёртвая птица. За Юлей идут охотники, которых зовут тенями. Она не умеет ни прятаться, ни драться, учится на ходу и всё время опаздывает на шаг.

Тёмное фэнтези о ведьмах, долгах и о том, что за взятое платит не всегда тот, кто взял.

Содержание

Торт с ошибкой	6
Дверь	12
Полчаса	39
Дом за лесом	55
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Юрьева
Наследие Теней:
Запретная кровь. Книга 1
Наследие Теней. Запретная кровь

Торт с ошибкой

В свой двадцать четвёртый день рождения Юля проснулась от того, что на кухне капал кран.

Она лежала и слушала: капля, пауза, капля. За окном шёл дождь, третий день подряд, и двор под фонарём блестел, как жестяной.

Телефон показал семь минут восьмого. Будильник ещё не звонил.

Она встала, закрыла кран до упора, поставила чайник. На столе лежал пакет с продуктами, купленными вчера: вино, сыр, оливки, две куриные грудки. Торт она заказала в кондитерской на углу и должна была забрать его в четыре.

Двадцать четыре. Она посмотрела на себя в тёмное окно и не нашла в отражении ничего нового.

К обеду пришло сообщение от бабушки: «С днём рождения, моя хорошая. Позвони, когда сможешь». Юля набрала её, и бабушка полминуты говорила о том, что в этом году зима будет ранняя, а потом спросила:

— Ты одна будешь праздновать?

— С Игорем.

— А. — Бабушка помолчала. — Ну хорошо.

— Что «ну хорошо»?

— Ничего. Хорошо, и всё.

Юля положила трубку и постояла секунду, глядя на кулон

у себя на груди. Белое золото в форме розы, тонкие лепестки, отполированные до блеска. Бабушка надела его на неё в семь лет и сказала: «Никогда не снимай». Юля не снимала и уже не помнила, как выглядит без него.

В четыре она забрала торт. В пять накрыла на стол. В шесть позвонила Галке.

— Ты придёшь?

— Ой, Юль. — Галка вздохнула так, будто ей было очень жаль. — У меня дела, прости. Я думала, успею, но тут такое.

— Какое?

— Ну такое. Работа.

Галка работала в агентстве, которое продавало окна, и «работа» у неё случалась в любое время суток.

— Ладно, — сказала Юля. — Поздравляю себя сама.

— С днём рождения, — сказала Галка. — Правда. Я тебя люблю.

— И я.

Она положила трубку и поняла, что держит её слишком крепко.

В семь Игорь не пришёл. В половине восьмого она написала ему: «Ты где?» Он не ответил. В восемь она позвонила, и телефон сказал, что абонент недоступен.

Юля поставила в холодильник сыр и убрала оливки в шкаф. Торт остался на столе, в коробке, и она не открывала коробку.

В девять она позвонила ещё раз. Тот же голос в трубке.

Она надела пальто, взяла ключ, который Игорь дал ей в июле, чтобы она поливала цветы, пока он был в командировке, и вышла.

Дождь кончился, но воздух был мокрый, и под фонарями стоял пар. Идти было двенадцать минут. Юля прошла их, глядя под ноги, и всю дорогу уговаривала себя, что он просто забыл зарядить телефон, что он лежит с температурой, что он в больнице, что он, в конце концов, мог уснуть.

Перед подъездом она остановилась. Потыкала в кнопки домофона, дождалась, пока щёлкнет, и вошла.

В лифте пахло мокрой собакой. Лифт поднимался медленно, и Юля смотрела на своё отражение в зеркале с царапиной и думала: надо было взять торт.

На площадке шестого этажа горела одна лампа из трёх. У двери Игоря стояли две пары обуви: его кроссовки и женские ботинки с мокрыми носами.

Юля смотрела на эти ботинки, наверное, секунд десять. Потом достала ключ.

В замке он повернулся тихо, и от этой тихости ей стало совсем плохо.

В прихожей горел свет. На вешалке висело пальто, которого она не знала, тонкое, бежевое, с шарфом в кармане. Пахло чужими духами и чем-то ещё, чем-то тёплым, от чего в горле сразу стало сухо.

Из комнаты был слышен смех. Галкин смех, она узнала бы его из тысячи: короткий, с всхлипом на конце.

Юля не помнила, как сняла сапоги. Помнила только, что шла по коридору и что пол был холодный даже через носки.

Дверь в комнату была приоткрыта. В щели горел торшер.

Они не сразу её заметили. Галка сидела на диване, подбрав ноги, в футболке Игоря, и ела виноград из миски. Игорь стоял у окна и что-то говорил, и Юля успела подумать: вот он сейчас обернётся и скажет «ты чего так поздно».

Он обернулся.

— Юля.

Галка перестала жевать.

— Юля, — сказал он ещё раз, и в его голосе не было ни страха, ни вины, только досада, как будто она вошла не вовремя.

— У меня день рождения, — сказала Юля.

Никто ничего не ответил.

— У меня сегодня день рождения, — повторила она, и голос у неё сорвался на середине. — Я там торт купила.

Галка поставила миску на пол.

— Юль, подожди, это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю?

— Ну.

— Скажи, что я думаю. — Юля слышала себя как будто со стороны, и голос был ровный, чужой. — Скажи, и я пойду.

Галка посмотрела на Игоря. Игорь смотрел в окно.

— Мы хотели тебе сказать, — начала Галка. — Правда хотели. Просто момент был неподходящий.

— И когда бы он подошёл? — спросила Юля. — На Новый год?

Игорь наконец обернулся.

— Юль, не устраивай.

— Я не устраиваю.

— Устраиваешь.

— Я стою в коридоре, — сказала Юля. — Я в пальто. Мне даже сесть некуда.

Она ждала, что он подойдёт. Что скажет что-нибудь, что угодно, что объяснит, что соврёт наконец, и она, может быть, поверит.

Игорь не подошёл. Он взял с подоконника телефон, посмотрел на экран и положил обратно.

— Я забыл, — сказал он. — Про день рождения. Забыл.

— Я поняла.

— Ну вот.

Это «ну вот» было хуже всего остального.

Юля запахнула своё пальто, и оно было мокрое с одного плеча. Она натянула сапоги, не развязывая шнурков, и подумала, что если сейчас заплачет, то не сможет завязать.

— Юля, — сказала Галка. — Мы правда не хотели.

— Я знаю, — сказала Юля. — Вы вообще ничего не хотели.

И закрыла за собой дверь.

На лестнице было темно. Она спустилась пешком, потому что лифт казался ещё одним местом, где придётся стоять и

ждать.

На улице снова шёл дождь. Юля шла под ним двенадцать минут и не замечала, и только у своего подъезда поняла, что вся дрожит.

Дома она разделась, но свет не включила. Сидела на полу в кухне, спиной к шкафу, и смотрела на коробку с тортом.

Потом подтянула её к себе, сняла крышку. Торт был белый, с цветами из крема, и на нём было написано «Юли». Кто-то ошибся на одну букву.

Она отломала кусок руками и съела.

И только тогда заметила, что кулон на шее тёплый.

Не холодный, как всегда, а тёплый, как ладонь. Юля взяла его в руку, и тепло пошло от пальцев вверх, к ключице, и в груди что-то отозвалось, будто далеко под полом стукнули в стену.

Она сидела и ждала, что будет дальше.

Дальше ничего не было.

Юля доела кусок, вытерла руки о джинсы и посмотрела на телефон. Там было три сообщения от бабушки: «Ты как?», «Позвони», «Юля».

Она не ответила.

И только потом, уже лёжа в кровати и глядя в потолок, подумала, что никогда не спрашивала, почему бабушка заставила её надеть этот кулон и почему сказала: «Никогда не снимай».

Дверь

Двадцать шестого октября Юля проснулась в половине девятого и первые несколько секунд не помнила ничего: потолок с трещиной у люстры, серый свет за шторами, телефон на подушке, чашка с остывшим чаем на столике.

Потом память вернулась, и день снова стал чужим.

Три дня назад она узнала про Игоря и Галку. С тех пор имя Игоря тянуло за собой имя Галки, как мокрый снег тянет за собой грязь.

Самое унижительное было не в том, что он изменил. В том, как он об этом сказал. Без паузы, будто сообщал, что забыл купить хлеб.

«Недостаток опыта». «Молодость». «Недопонимание».

Каждое слово падало отдельно и звенело фальшиво, как битое стекло под ногами.

Месяц. Первые в её жизни настоящие отношения, к которым она готовилась, как к экзамену: конспект в блокноте, список правил на первой странице, загнутые уголки. Говорить о границах прямо. Не бояться неудобных вопросов. Не прощать того, что не прощается.

Правила оказались бесполезны. Она держалась за них, как за перила в темноте, а перила обрывались.

Галка сидела в её жизни так прочно, что Юля не отделяла её от себя. Они делили тайны, деньги на такси и последний

кусочек пиццы. Теперь Галка стояла по другую сторону, рядом с Игорем, и, судя по всему, стояла там давно.

Галка звонила каждый день. Юля не брала. Один раз взяла и услышала:

— Юль, ну ты чего. Ну давай поговорим.

— Давай, — сказала Юля. — Начинай.

Галка помолчала и сказала:

— Я не знаю, с чего начать.

— Тогда не начинай.

Больше она не брала.

В дверь позвонили в половине двенадцатого.

Юля не собиралась открывать. Она стояла в коридоре и смотрела на дверь, и звонок повторился.

— Кто?

— Костя.

Она узнала голос, но всё равно спросила:

— Какой Костя?

— С третьего подъезда. Который тебе в шестом классе портфель носил.

Она открыла.

Костя стоял на площадке с картонной коробкой в руках, в куртке нараспашку и в шапке, которую не снимал, кажется, с зимы. Они учились вместе с первого класса, и всё это время он был тем человеком, который провожал её до дома и ни разу об этом не заговорил.

— Игорь просил передать. — Он кивнул на коробку. —

Твоё.

— А сам он не мог?

— Он сказал, что не хочет тебя видеть. — Костя поморщился. — Это его слова, не мои.

Она взяла коробку. Внутри лежали зарядка, две кофты, книга, которую она у него забыла, и щётка для волос.

— Спасибо.

— Ага.

Он потоптался на площадке.

— Ты как?

— Нормально.

— Ага, — сказал Костя. — Ясно.

Он пошёл вниз и на середине лестницы остановился.

— Юля.

— Что?

— Ты это... если надо куда-нибудь съездить. Или там посидеть с кем-нибудь. Я на машине.

— У тебя нет машины.

— Я куплю, — сказал он серьёзно.

Она впервые за три дня улыбнулась.

— Ладно, Костя.

Он кивнул и ушёл, и она слышала, как внизу хлопнула дверь подъезда.

Квартира была бабушкина. Бабушке семьдесят три года, спина прямая, коса густая, с серебристыми прядями, и руки пахнут сдобой и сухими травами. Вещи Юля перевезла сюда

три дня назад, в два пакета, и до сих пор их не разобрала. Она звонила дважды в день и спрашивала, ела ли Юля, и Юля врала, что ела.

Родителей Юля не помнила. В доме о них не говорили: бабушка поджимала губы и переводила разговор, и с годами Юля перестала спрашивать. Осталась одна фотография, маленькая, вставленная в кулон. Бабушка надела его на неё в седьмой день рождения и сказала: «Никогда не снимай». Юля не снимала.

Кулон был из белого золота, в форме розы, лепестки тонкие, чуть заострённые. Цепочка тёрла шею, когда Юля спала на левом боку, и она давно привыкла поправлять её, не просыпаясь.

Комната выглядела как склад после пожара. Одежда на полу, книги съехали с полки, на столике три чашки, одна с засохшей кофейной гущей. Она не прибиралась с того вечера.

Юля села на кровати, посидела, потом встала и пошла в ванную.

Горячей воды не было. Она намылила волосы холодной, и от холода в голове стало чище. Вода шла из душа и уходила в слив, и Юля смотрела, как она уходит, и ни о чём не думала.

Когда она вытерлась и посмотрела в зеркало, ей показалось, что синяков под глазами стало меньше. Кожа была не такая серая. Волосы, ещё мокрые, блестели сильнее, чем обычно.

Она не поверила себе и списала это на свет.

Потом достала из шкафа джинсы. Любимые, синие, с потёртостью на правом колене.

Пуговица не сошлась.

Юля потянула ткань, присела, втянула живот, легла на кровать и попробовала застегнуть лёжа. Пуговица не дошла до петли на палец.

Она посмотрела на бирку, будто та могла что-то объяснить. Бирка была на месте, джинсы были те же. Живот был другой: чуть твёрже, чуть тяжелее, будто внутри поселился кто-то чужой и осторожный.

За три дня она не могла поправиться.

Она отогнала эту мысль, как муху, и достала другие джинсы, свободнее.

Мысль вернулась, пока она искала куртку.

Юля остановилась посреди комнаты и приложила ладонь к животу. Ничего не произошло. Она постояла так секунду и пошла вниз.

— Ба! Я иду гулять!

Ответа не было. Бабушка, скорее всего, ушла к соседям, тёте Зине или бабе Маше: чай, сплетни, чужие болезни и своя рассада.

Юля надела куртку и вышла.

И остановилась.

Она привыкла к лаю соседской таксы Бусинки, к машинам на повороте, к разговорам у подъезда. Сейчас не было

ничего.

Улица лежала пустая и мокрая. В окнах не двигались занавески. Вороны на проводах молчали, хотя в это время они обычно ссорились так, что закладывало уши.

Юля пошла вниз. Дождь висел в воздухе мелкой взвесью, оседал на ресницах, собирался каплями на капюшоне. Лужи пахли мокрым асфальтом и опавшим листом.

На ходу она достала телефон. Десять пятнадцать.

В половине одиннадцатого улица не бывает пустой.

Через два квартала она увидела салон. Вывеска «Открыто» горела розовым, мигала через раз, и в стекле отражалась улица.

Юля толкнула дверь, и та скрипнула.

За стойкой сидела девушка с улыбкой, широкой и приветливой, и с волосами, уложенными так аккуратно, будто их выточили из чёрного оникса.

— Здравствуйте, — сказала Юля. — Я бы хотела сменить причёску.

Голос вышел ровнее, чем она ждала. Руки дрожали, и она спрятала их в карманы.

— Вы пришли по адресу! — Девушка обошла стойку и взяла её под локоть. — Наша Нита — лучший мастер, которого я знаю. Она творит чудеса.

В зале пахло лаком, шампунем и кофе. В зеркалах отражались лампы, и от этого помещение казалось больше, чем было.

Нита поднялась навстречу. Мягкое лицо, спокойный взгляд, волосы собраны в пучок.

— Что будем делать?

Юля посмотрела на фотографии на стене. Женщины на снимках были уверены в себе, будто знали что-то, чего Юля пока не знала. Она остановилась на боб-каре.

— Вот это. И перекрасить. В тёмный.

— Совсем в тёмный?

— В брюнет. Глубокий.

Нита не стала переспрашивать, только кивнула и взяла ножницы.

Волосы падали на пелерину, щёлкали ножницы, Нита говорила про уход и про то, что цвет придётся поддерживать. Юля слушала вполуха.

Ей было хорошо. Впервые за три дня просто хорошо, и ни о чём не хотелось думать.

Ножницы пошли у виска, и лампа над зеркалом мигнула. Потом погасла совсем.

В зале стало на тон темнее, и в зеркале остались только окно и улица за ним.

Нита не сказала ничего. Она смотрела на прядь в своих пальцах, и Юля увидела, как прядь шевельнулась. Не от сквозняка: кончик поднялся и лёг обратно.

Нита положила её на столик, вытерла пальцы о пелерину и включила лампу. Лампа загорелась.

— У вас волосы тёплые, — сказала она. — Бывает.

— От холодной воды?

— Ага. От холодной.

Она больше не смотрела в зеркало. Достригла молча, и ножницы в руке Ниты щёлкали ровно, как метроном.

Когда всё закончилось, она посмотрела в зеркало и улыбнулась.

В отражении сидела другая девушка. Тёмные пряди блески, подбородок казался выше, глаза ярче.

Она расплатилась, поблагодарила Ниту и вышла, и дверь за ней скрипнула так же, как на входе.

По дороге домой она зашла в магазин одежды. Это было продолжением того же решения: раз волосы новые, пусть будет и всё остальное.

Она мерила джинсы, выходила к зеркалу, поворачивалась. Продавщица у стойки одобрительно кивала.

На третьей примерке Юля приложила ладонь к животу и нажала.

Живот был больше, чем утром. Не на палец, на два. Ткань натянулась сильнее.

Она сняла джинсы быстро, как будто их могли увидеть.

— Вам не подошло? — спросила продавщица.

— Не подошло.

На улице она пошла быстрее, чем шла до магазина, и сама не понимала почему. Асфальт блестел, вода хлюпала под кроссовками, и она не заметила парня, который шёл навстречу из-за угла.

Она сбила его с ног.

— Простите, — сказала Юля. — Я вас не заметила.

— Ничего, — сказал он. — С кем не бывает.

Он поднимался медленнее, чем нужно, и смотрел на неё дольше, чем нужно. Лет двадцати пяти, в чёрной куртке, с мокрыми от дождя волосами.

— Вы в порядке? — спросила Юля.

— Я-то в порядке. — Он отряхнул штаны. — А вы куда-то так бежите, что не смотрите.

— Домой.

— А. — Он улыбнулся. — Это можно и медленно.

Юля кивнула ему и пошла дальше, и спиной чувствовала, что он стоит и смотрит.

Она обернулась на углу.

Он стоял на том же месте. Не шёл, не доставал телефон. Просто стоял и смотрел ей вслед.

Юля прибавила шаг.

Дом встретил её запахом остывшего чая. Значит, бабушка вернулась.

У порога Юля остановилась, прижала ладонь к груди и почувствовала, как сердце колотится, будто она только что пробежала километр.

— Ба, со мной что-то не то!

Бабушка вышла из кухни в переднике, вытирая руки полотенцем. Первым делом она посмотрела Юле на голову, прищурилась, отступила на шаг и обошла внучку по кругу, буд-

то оценивала работу мастера.

— Вижу, ты сменила причёску?

— Да. Но я не об этом.

— Тебе идёт.

Юля почувствовала, что вот-вот заплачет. Губы уже дрожали, и она это чувствовала.

— Ба.

— Пойдём, — сказала бабушка. — Я тебе сейчас всё объясню.

Они пошли в гостиную, и на полпути Юля увидела в большом кресле женщину.

Женщина сидела в той же позе, в какой обычно сидела бабушка: спина прямая, ноги вместе, руки на подлокотниках. Лицо показалось знакомым, как отголосок из далёкого прошлого: изгиб губ, выражение глаз.

Юля не сразу поняла, что думает про мать. Ей говорили, что мать умерла, когда она была младенцем, но она всё равно надеялась, что это неправда: нельзя взять и бросить своего ребёнка. Женщина была слишком молода, чтобы быть её матерью.

Бабушка сделала шаг вперёд и заговорила тихо:

— Познакомься. Это твоя тётя Инга. Она живёт далеко на севере. Утром я ездила её встречать.

В голове у Юли забурлило. Вопросов было много, и они лезли один поверх другого, но она молчала.

Взгляд тёти Инги проходил сквозь неё, будто что-то там

разбирал по частям.

— Рада знакомству, Юлия, — сказала Инга, поднимаясь из кресла. — Ты так похожа на свою мать.

Она шагнула к Юле и приоткрыла руки для объятия. В глазах у неё было тепло, под которым пряталось что-то ещё, как вода под тонким льдом.

— Правда? — сказала Юля. — Я бы, может, и согласилась, если бы видела нашу мать хоть раз.

— Да, ты права, — согласилась Инга. — Но на то были обстоятельства.

Она остановилась на полпути, будто колеблясь, развернулась и вернулась в кресло. Закинула ногу на ногу и устроилась удобно, как хозяйка, которая знает, где что лежит.

Юля вдруг поняла, что её не попросили разуться. В этом доме так было не принято: у порога стояли тапочки для гостей, и каждой соседке бабушка говорила: «Раздевайся, разувайся, у нас полы холодные».

Инга сидела в уличных сапогах на светлом ковре, и бабушка этого не замечала.

— Скоро придёт время, и ты всё узнаешь, — сказала бабушка.

— Я это слышу двадцать четыре года, — ответила Юля, и голос сорвался. — Может, хватит? Что вы хотели мне объяснить?

Терпение лопнуло, и злость, копившаяся годами, вышла наружу, как пар из кастрюли.

— Юля, — сказала Инга мягко, почти ласково. — Ты хочешь услышать ответы. Но ты не готова.

— Я готова.

— Нет.

— Мне двадцать четыре года, — сказала Юля. — Я три дня назад узнала, что мой парень спал с моей подругой. Я готова ко всему.

Бабушка переводила взгляд с внучки на Ингу и обратно, прищурившись, будто взвешивала на невидимых весах.

— Я думаю, время пришло, — проговорила бабушка.

Инга вскочила.

Движение было быстрым, нервным, будто её толкнули изнутри. Она подошла к Юле, побледнев, губы сжались в тонкую линию, и правой рукой обняла её за живот.

Юля не успела отшатнуться.

От чужих пальцев пошло тепло. Неприятное, чужое, и внутри, глубоко, что-то отозвалось, тихо и тяжело, как удар второго сердца.

Инга прикрыла глаза и забормотала на незнакомом языке. Плавно, с длинными гласными, как читают молитву, которую знают наизусть и не понимают.

Потом открыла глаза и повернулась к бабушке. Лицо у неё было бледным.

— Он слишком быстро растёт, — сказала она шёпотом. — Это значит, что способности от матери. Но почему они не проявились раньше?

Юля стояла и не понимала, о ком речь.

— Кто растёт? — спросила она. Голос сорвался на хрип.

Никто ей не ответил.

— Ей лучше поехать со мной, — объявила Инга, будто это было единственное решение.

— Я никуда не поеду. Тем более с вами.

— Инга, — сказала бабушка. — Девочка права. Она никуда не едет.

Голос у бабушки был тихий, и в нём была такая твёрдость, что спорить не хотелось.

— Её мать тоже уехала, — сказала бабушка. — И с тех пор никто не видел Люсю. Я ждала её все эти годы.

Инга закатила глаза. Пальцы у неё перебирали край кофты: туда-сюда, туда-сюда, будто она пыталась сбросить с себя то, что знала.

— Я хотела как лучше! — сказала она, и голос её стал резким. — Они не достойны быть в нашем клане. Их кровь заражена.

— Чем заражена? — Бабушка прижала ладонь к груди. — Ты слышишь, что говоришь?

— Ты прекрасно знаешь. — Инга говорила сухо, без эмоций, и слова звучали как приговор. — Её мать была наполовину демоном. Как и она. Это твоя вина. Из-за тебя их постигла такая участь.

В её глазах была не только решимость, но и печаль, и от этого стало страшнее, чем от злости.

— Мне жаль тебя, Юля, — добавила она тише. — Но я ничего не могу с этим сделать. Ты должна умереть.

Она сказала это спокойно, будто сообщала о чём-то обычном.

В комнате стало тихо. В саду за окном капало с ветки на жестяной подоконник: кап, кап, кап.

Юля не сразу поняла, что это сказано про неё.

— Умереть? — переспросила она. — Подождите. Я правильно расслышала? Ба?

Голос сел. Лицо похолодело. Она смотрела то на Ингу, то на бабушку и ждала, что кто-нибудь скажет: шутка. Неудачная, злая, но шутка.

Инга не ответила. Она подошла к окну и подняла руку.

За стеклом, у калитки, стояли двое. Юля не видела их раньше: старик в длинном пальто, с палкой, и женщина в сером платке, повязанном низко, по-старушечьи, хотя лицо под ним было гладкое.

Инга пошла к двери и открыла её сама, без стука, как открывают у себя.

Они вошли, не разуваясь. В комнате сразу стало тесно, будто принесли ещё одну мебель. Старик поставил палку к стене и посмотрел на Юлю так, как смотрят на вещь, которую пора вынести.

— Эта? — спросил он.

— Эта, — сказала Инга.

— Мать?

— Ушла двадцать четыре года назад.

Женщина в платке подошла ближе и наклонила голову набок. От неё пахло дорогой и чужим домом.

— Похожа, — кивнула женщина в платке. — Глаза её. Бабушка вышла вперёд и встала между ними и Юлей.

— Здравствуй, Мирон.

— Здравствуй, Юлия. — Старик кивнул, не глядя. — Тебя я тоже не звал. Но раз уж дом твой, слушай вместе с ней.

Юля вздрогнула: бабушку звали так же, как её, и она впервые слышала, чтобы кто-то называл её полным именем.

— Она ребёнок.

— Она дверь. — Он сказал это без нажима, будто поправлял чужую ошибку в счёте. — Ты знала?

— Я надеялась, что не узнаю.

— Надеялась, — повторил Мирон и усмехнулся одними губами. — В законе надежды нет. Кровь от крови, смешение не живёт. Так было до нас и будет после.

Юля слушала и не понимала половины. Про дверь она поняла: это про неё. Про закон она поняла хуже.

— Какой закон? — сказала она. — У нас страна вообще-то.

— У вас, — согласился Мирон. — У нас свой.

Женщина в платке отошла к окну и посмотрела на улицу, как смотрят люди, которым неловко при разговоре.

— Отдай её охотникам, — проговорила она негромко. — Пусть сами решают. У нас руки будут чище.

— Своих не отдают, — сказала бабушка.

— Она не своя, — сказала Инга. — Она наша ошибка.

Твоя и моя.

Бабушка не ответила, и Юля впервые увидела, как у неё дёрнулась щека: один раз, будто под кожей прошёл камень.

— У меня есть полчаса, — сказала бабушка. — Я собираю внучку и вывожу её из города. Дальше это уже не ваше дело.

— У тебя нет полчаса. — Мирон взялся за палку. — У тебя есть до вечера. Вечером мы соберёмся и решим, как положено.

Он повернулся к Юле. У него были светлые глаза, почти прозрачные, и в них не было злости. Было что-то хуже: понимание.

— Никто сегодня не умрёт, — сказала бабушка.

Она сказала это негромко, и в голосе было столько силы, что все замолчали. Юля слышала такой голос один раз в жизни, в детстве, когда во дворе дрались собаки и бабушка вышла из подъезда с лопатой.

— Тогда решим сейчас, — сказал Мирон. — Чтобы не тянуть.

Голос он не повысил, но в комнате стало тише.

— Кровь не спрашивает, — сказал он. — Дверь надо закрыть, пока она не открылась. Я за смерть.

— И я, — сказала Инга.

Женщина в платке смотрела на ковёр.

— Ганна, — сказал Мирон.

— Отдать, — сказала она наконец. — Пусть решают охотники. Я не буду брать это на себя.

— Двое против одного, — сказал Мирон и посмотрел на бабушку. — Юную отдают.

Юля услышала, как за окном проехала машина: шорох шин по мокрому асфальту, и всё. Обычная машина, обычный двор, обычный день. Двадцать шесть октября.

— Я не отдам, — сказала бабушка.

Бабушка отодвинула Юлю себе за спину. Расставила ноги, подняла руки, будто собиралась взяться за что-то, чего Юля не видела.

И заговорила на древнем языке.

Звуки были чужие, гортанные, с длинными гласными, и от них у Юли закололо в висках. Паника поднялась из живота к горлу. Она не понимала ни слова, но чувствовала, что в комнате стало меньше воздуха и что между женщинами натянулась струна, готовая лопнуть.

Из-за бабушкиного плеча Юля смотрела на Ингу. Та была испуганнее её самой: глаза расширились, как тёмная вода под ветром, а сама Инга стала неподвижной, как каменная.

В последний момент, когда бабушка уже явно готовилась к чему-то, Инга не выдержала.

— Хорошо, я уйду! — сказала она громко, с отчаянием. — Но её силу слышно за километр. Её найдут, если не я, то другие. Охотники не будут сидеть сложа руки. А если Тень найдёт её первой, я даже не хочу представлять, что будет.

Она произнесла это, как проигравшая сторона на переговорах: без надежды на милость, но с последним предупреждением.

Инга щёлкнула пальцами.

Звук был короткий, сухой, как щелчок выключателя. И в то же мгновение она стала прозрачной.

Юля видела, как сквозь её силуэт проступили занавеска, спинка кресла, край комода. Потом осталась дымка, и дымка исчезла.

На ковре, там, где стояли её сапоги, не осталось ни следа, ни вмятины.

Двое вышли раньше, без всякого щелчка: просто открылась и закрылась дверь, и в комнате стало холоднее. Бабушка подошла и заперла её, потом накинула цепочку, хотя было ещё утро.

* * *

Инга стояла за углом дома, у водосточной трубы, и её трясло.

Не от холода. Она сама не поняла, когда началось: сначала задрожали руки, потом плечи, потом зубы, и она прижала ладонь ко рту, чтобы не стучать.

Она села на бордюр, прямо в мокрое, и опустила голову.

Мирон вышел из-за угла через минуту, и Ганна за ним. Они остановились в трёх шагах и смотрели на неё, как смотрят на человека, который упал на улице и непонятно, пьяный или больной.

— Ты сделала глупость, — сказал Мирон.

— Я знаю.

— Ты дала ей время, а не дорогу. Она уедет, а через месяц её найдут в другом месте, и тогда будет хуже.

— Хуже уже не будет. — Инга подняла голову. — Ты видел её лицо?

— Видел.

— И что ты видел?

Мирон помолчал.

— Её мать, — сказал он. — Только моложе.

— Правильно. — Инга вытерла лицо ладонью. — И ты хочешь, чтобы я стояла в комнате и смотрела, как её убивают, потому что так написано в законе, которого никто не видел?

— Я хочу, чтобы ты не мешала.

— Я и не мешала. — Она усмехнулась. — Я ушла. Я всегда ухожу. Спроси у Ганны.

Ганна не сказала ничего. Она стояла в стороне, держа руки в карманах, и смотрела на дорогу.

— Мы соберёмся вечером, — сказал Мирон. — Решим, как положено.

— Решайте.

— Ты придёшь.

— Приду, — сказала Инга. — Я всегда прихожу.

Мирон постоял ещё немного, будто ждал от неё чего-то, и не дождался. Он пошёл по улице, и Ганна пошла за ним, и Инга смотрела им вслед, пока они не свернули.

Потом она достала телефон.

Номер был записан без имени, с северным кодом, и она набрала его и слушала гудки, и их было много, и она уже хотела сбросить, когда там ответили.

На том конце было далеко и глухо, будто говорили из-под снега.

— Это Инга, — сказала она. — Она здесь. Живая, здоровая, и в ней двое.

Она замолчала, слушая.

— Нет. Не приедет. — Инга смотрела на мокрый асфальт у своих ног. — Она не знает, что я звонила. И ты ей не скажешь.

Ей ответили что-то длинное.

— Потому что тогда она придёт за ней, — сказала Инга. — А если она придёт, её убьют. И девочку тоже.

Она слушала ещё.

— Я не прошу тебя помогать. Я прошу тебя молчать. — Она помолчала. — И ещё я прошу тебя не искать её. Пока. И матери не говори.

Она убрала телефон и посидела ещё, глядя на улицу.

Потом вытерла ладони о пальто, встала и пошла к машине.

Шла она прямо, и лицо у неё было спокойное, и никто на улице не обернулся бы на неё дважды.

* * *

Юля смотрела на пустое место и не могла собрать мысли. Может, это сон? Может, она всё ещё лежит в постели в раз-

громленной комнате и не проснулась?

Она ущипнула себя за запястье. Стало больно.

Бабушка вздохнула и первой нарушила молчание:

— Тебе нужно отсюда уехать.

Она сказала это твёрдо, будто от её слов зависела судьба Юли, и отвела взгляд, чтобы не видеть, как внучка побледнеет.

— У меня есть знакомые в паре сотен километров отсюда.

Они помогут.

— А ты?

— Я останусь. Буду отвлекать.

Бабушка отошла к столу, взяла чайник, налила воды, поставила на плиту. Руки у неё не дрожали, и от этого Юле стало ещё страшнее: значит, бабушка всё давно решила.

— Тебя убьют, — сказала Юля.

— Не думай об этом. Я уже достаточно прожила.

— Ба, я без тебя не поеду.

— Поедешь.

— Я боюсь. И у меня столько вопросов. Что это только что было? Куда я поеду? К кому?

Вода закипела, чайник начал посвистывать. Бабушка сняла его с плиты и не стала заваривать чай. Вернулась, прижала Юлю к себе, обняла за плечи, крепко, обеими руками.

— Ты должна знать, что ты сильная, — сказала она. — И что твоя мать любила тебя. Она никогда бы тебя не оставила.

— А отец? Кто он?

Бабушка помолчала. Видно было, что эти слова даются ей нелегко, что она хранит их давно, как хранят старую вещь, которую нельзя выбросить.

— Он предал твою мать. — Она села на диван. — На нашей земле три известных клана. Их называют белыми магами, если говорить просто. Но есть и четвёртый, чёрные. В их крови демоническая сила, и они сильнее любого белого. Они берут не только из природы, но и из другого, и от этого сложнее, чем мы привыкли думать.

— И я?

— И ты.

Бабушка смотрела в окно, за стекло, где висела мокрая ветка, но смотрела не на ветку.

— До рождения твоей матери я познакомилась с одним парнем, — сказала она тише. — Мы вместе изучали историю. Я тогда ещё не знала, кто я. Догадки были. Способности проявились у меня в двенадцать лет. Это рано, обычно они просыпаются после восемнадцати. Я так надеялась, что у тебя их не будет.

Она прикрыла глаза и потерла лоб левой рукой.

И в комнате появился лист бумаги.

Он возник из ниоткуда и повис в воздухе на уровне её груди, будто невидимая рука держала его за угол. Обычный лист в клеточку, серый, с двумя дырками у края. От него шло тепло.

— Не бойся, — сказала бабушка. — Подай мне.

Юля подошла и взяла листок. Он был лёгкий, как пух, и совершенно пустой. Она перевернула его, посмотрела на свет, провела пальцем по шершавой поверхности и протянула бабушке.

Бабушка накрыла бумагу ладонью и прикрыла глаза. Пальцы у неё были сухие, с коротко остриженными ногтями и белым шрамом на указательном.

Она заговорила. Юля слышала этот язык раньше, в детстве, и тогда ей казалось, что голос бабушки смешивается с шумом дождя. Теперь она слышала его отдельно: гортанные звуки, длинные гласные, и в них было что-то от песни, которую поют, когда никто не слушает.

Лист начал светиться.

Сначала Юля подумала, что ей кажется. Свет ложился на стол, на кромку чашки, на бабушкины пальцы. Потом на бумаге проступили знаки, один за другим, будто их выводила невидимая рука. Тонкие, угловатые, они горели ровным, слабым, но строгим светом, и от каждой по комнате расходилась волна, от которой у Юли шевелились волосы на затылке. Воздух стал плотнее, у него появился вкус грозы.

— Как это? — прошептала Юля.

— Тебе ещё многому предстоит научиться.

Кожа у бабушки стала светлее на пару тонов, будто из неё уходила кровь, а губы сжались в нитку. Она посмотрела на лист ещё раз, потом на внучку.

— Быстро собирай вещи. Нужно уезжать.

— Что там написано?

— Мне сообщили, что за тобой идут. У нас есть полчаса, максимум час. Бери только необходимое.

— Ты со мной поедешь?

— Нет.

В этом «нет» была боль, спрятанная за твёрдостью, и Юля её слышала.

— Тебе нужно время уйти, — сказала бабушка и легко коснулась её подбородка, чтобы заглянуть в глаза. — Со мной всё будет хорошо.

— Полчаса, — сказала Юля вслух, будто проверяя, как это звучит. — Ладно. Полчаса.

Наверх она поднялась бегом. В комнате, где всё было разбросано, остановилась и поняла, что не знает, что брать. Рюкзак нашёлся в шкафу, под зимними вещами. Она встряхнула из него старые билеты и сломанную ручку.

Свитер. Джинсы. Зарядка. Паспорт из верхнего ящика. Деньги, отложенные на новый телефон, сунула во внутренний карман, не пересчитывая. Постояла, держа в руках футболку, и положила обратно: футболка показалась насмешкой. Взяла куртку, шарф, перчатки, и рюкзак стал тугим, будто она уезжала на месяц.

Бабушка ждала внизу, у вешалки. В руке у неё был пакет: хлеб, пара яблок, сыр в фольге. Она сунула его в рюкзак поверх вещей, и Юля не стала спорить, хотя знала, что есть не сможет.

— Деньги есть?

— Есть.

— Аттестат не забудь.

— Ба.

— Что «ба». Аттестат.

Юля достала из ящика папку с документами и засунула в боковой карман. Бабушка кивнула, будто это решало что-то важное.

Потом она ушла в кладовку и вернулась оттуда с жестяной коробкой из-под чая, помятой на одном углу.

— Возьми.

— Что это?

— Тетрадь твоей матери. — Бабушка держала коробку двумя руками, будто та была тяжёлая. — Я нашла её в Люсиной комнате, когда она уехала. Там ещё фотографии, две.

Юля взяла коробку. Жесть была холодная, и по ней шли царапины, будто её долго двигали с места на место.

— Почему ты мне её не показывала?

— А что я тебе по ней рассказала бы? — Бабушка смотрела в сторону. — Я открывала. Один раз, в самом начале.

Она помолчала.

— Там не по-нашему.

— Как это?

— Буквы чужие. Ровные, как палочки. Я их знаю не больше, чем ты китайские. — Бабушка вытерла руки о передник. — Я думала, может, ты разберёшь. Ты у нас умная.

Юля приподняла крышку. Внутри лежала тетрадь в клеёнчатой обложке, серо-синей, и сверху две фотографии, лицевой стороной вниз.

— Не сейчас, — сказала бабушка. — У нас полчаса.

Юля закрыла коробку и сунула её в рюкзак, между свитером и папкой с документами. Коробка была лёгкая, и внутри что-то шуршало.

Они обнялись. Юля вцепилась в её плечи, как в поручень в трясущемся вагоне, прижалась лицом к шее и почувствовала запах: сдоба, сушёные травы, немного пыли от старых вещей. Бабушка гладила её по спине, медленно, от лопаток к пояснице, и ничего не говорила.

— Хватит, — сказала наконец бабушка и отстранилась первой. Глаза у неё были сухие, и это было хуже слёз. — Иди. Машина у соседнего дома, у Зины под окнами. Сергей тебя довезёт, куда скажут.

— Какой Сергей?

— Водитель. Мой человек. — Бабушка поправила воротник её куртки, потом ещё раз, будто от этого что-то зависело. — Ольга всё объяснит. Слушай её и не спорь.

— А ты?

— А я буду ждать.

Юля вышла из подъезда. Дождь почти кончился, в воздухе висела мелкая водяная пыль. Она обернулась. Бабушка стояла в дверях, в переднике, со сложенными руками, и смотрела ей вслед так, будто запоминала.

Юля хотела вернуться. Хотела сказать, что никуда не поедет, что они справятся вдвоём. Ноги сами понесли её через двор к соседнему подъезду.

У соседнего подъезда стояла старая светлая машина, мокрая от дождя, с выключенным двигателем. За рулём сидел мужчина в куртке, молчаливый, с суровым лицом. Он кивнул ей, и Юля открыла заднюю дверь.

Машина отъехала. Бабушка смотрела ей вслед, пока та не скрылась за поворотом.

Полчаса

Бабушка вытерла лицо, подняла голову и вернулась в дом.

Прислонилась спиной к двери. Осанка у неё всё ещё была прямая, и коса с серебристыми прядями лежала на плече, и такой осанке могли позавидовать молодые. Сегодня эта сила была слабой защитой.

В доме оседала тишина: где-то наверху скрипнула половица, в кухне капнул кран, за окном проехала машина и стихла.

Она прошла в кухню, налила в чашку воды и выпила всю, до дна. Чашка была старая, с отбитым краем, и бабушка поставила её в раковину, хотя обычно мыла сразу. Руки всё-таки дрожали, и она спрятала их в карманы передника.

На столе лежал лист бумаги с рунами. Руны погасли, и теперь это была просто серая бумага в клеточку, какие покупают школьникам. Бабушка сложила её вчетверо и убрала в книгу на полке, между страницами, где лежал засушенный лист смородины.

Потом села на табурет у окна и посмотрела во двор.

Двор был пустой, мокрый, с лужей у забора, и в луже отражалось небо, серое, ровное.

Бабушка смотрела на эту лужу и думала о Люсе.

Люся уехала в конце августа, и на ней было светлое пальто, хотя вечера уже стояли холодные. Бабушка тогда сказала: возьми куртку. А она засмеялась и сказала, что в пальто

красивее.

Больше бабушка её не видела. Двадцать четыре года она ждала, и с каждым годом ждать становилось тише, но не легче. Она привыкла разговаривать с дочерью во сне, и сны были такие, что после них она весь день ходила с тяжёлой головой.

А ещё было предсказание.

Бабушка слышала его давно, когда была молодой и не верила ни в какие предсказания. Слова запомнила не умом, а телом: они остались в ней, как заноза, и время от времени отзывались. Слова были о ребёнке, в котором сойдутся две крови.

Все эти годы бабушка думала, что речь о Люсе. Сегодня она поняла, что ошиблась. Речь была о Юле.

От этого понимания в груди становилось тесно. С одной стороны, страх: за внучку, за её будущее, за то, что будет с ней в чужих краях. С другой — что-то похожее на надежду, и от надежды бабушка отвыкла настолько, что не сразу её узнала.

Она достала из-под кофты амулет. Круглый, тёмный, на кожаном шнуре, тёплый от тела. Подержала его на ладони, потом надела обратно и заправила под воротник.

— Значит, так, — сказала она вслух, и голос в пустой кухне прозвучал странно.

Она встала, сняла передник, повесила на гвоздь у плиты, потом достала с полки жестяную коробку с чаем и поставила

на стол. В доме, куда могут войти чужие, у хозяйки должно быть спокойное лицо и занятые руки.

Проверила, на месте ли амулет, поправила воротник, посмотрела на часы. До вечера было далеко.

Не успела она взяться за чайник, как наверху скрипнула половица.

Бабушка замерла. Слух у неё всегда был острый, а сейчас стал таким, что она слышала, как за окном капает в жестяной таз и как в стене потрескивает проводка. Сердце забарабанило в груди.

Кто ещё мог быть в доме? Юля уехала. Калитка хлопнула за ней, машина скрылась за поворотом.

— Кто здесь? — спросила она.

Голос прозвучал тише, чем она ожидала, но твёрдости в нём хватило.

Наверху кто-то прошёл. Потом ещё раз. Потом половицы заскрипели на лестнице, и бабушка поняла: их трое. Два мужчины и женщина. Женщина шла первой, и её каблуки звенели по ступенькам, каждый удар отдавался в висках.

Они появились в проёме двери один за другим. Бабушка всматривалась в лица и не находила ни одной знакомой черты.

— Кто вы? Я вызвала охрану! — крикнула она, и голос сорвался на хрип.

— Бабуль, не кипишуй, — сказал один из мужчин.

Он говорил слишком беззаботно для человека, который

стоит в чужом доме без разрешения. Сунул руки в карманы, огляделся, будто прикидывал, сколько тут можно взять.

Бабушка узнала его. Чёрная куртка, мокрые волосы, лицо, которое она видела сегодня утром в окно, когда он стоял на другой стороне улицы и смотрел на их дом.

— Никого ты не вызывала, — сказал он. — Будь спокойной, и тебя никто не тронет. Мы пришли за твоей внучкой. Кстати, где она?

Он прошёл мимо бабушки в кухню, не спросив дороги, и распахнул дверцу шкафа.

— Молодой человек, — сказала бабушка.

— Секунду.

Он вытащил жестянку с чаем, открыл, понюхал и высыпал на стол. Заварка легла горкой, по ней сразу поползли две мокрицы, которых бабушка не видела раньше.

— Роман, — сказал второй, с дёргающимся веком. — Наверху.

— Иди.

Парень пошёл по лестнице, и на середине ступени заскрипели так, как всегда скрипели, сколько бабушка себя помнила: она знала этот скрип на слух, знала, где какая половица, и могла бы с закрытыми глазами сказать, до чего он дошёл.

— Там внучкина комната, — сказала она. — Не смейте там рыться.

— А мы не рыться, — сказал Роман. — Мы посмотреть.

Наверху открыли шкаф, потом ящик, потом всё сразу.

Что-то мягкое упало на пол и осталось лежать.

Бабушка не двинулась с места. Руки у неё были в карманах передника, и в правом лежал амулет, тёплый, как живой.

Женщина не участвовала в обыске. Она стояла у стены, где висели фотографии в простых рамках, и смотрела на них по одной, будто читала книгу с конца. Юля на линейке, первый класс, бант больше головы. Юля выпускница, у бабушки в руках букет. Люся у яблони, светлое пальто, ноги поставила врозь.

— Это ваша дочь? — спросила она.

— Это моя дочь.

— Она не старая на фотографии.

— Она и не постарела.

Женщина сняла с гвоздя крайнюю рамку. Мужчина в тёмном пиджаке, снятый по грудь, смотрел чуть в сторону, будто в этот момент его позвали. Фотография была старая, с белым уголком внизу.

— Кто это?

— Мой муж.

— Как его звали?

Бабушка не ответила. Женщина подержала рамку на весу, потом поставила её на место, ровно, как стояла, и поправила гвоздь пальцем.

— Я знаю, как его звали, — сказала она тихо. — Я спрашиваю, помните ли вы.

— Помню.

— Хорошо. — Она отошла от стены. — Тогда вы понимаете, почему я пришла не с обыском, а с разговором.

Наверху что-то треснуло, стекло или дерево. Роман открыл кран, и вода зашумела в трубах.

Бабушка посмотрела на горку заварки на столе, на мокриц, которые уже расползлись кто куда.

— Вы за это не передо мной отвечать будете, — сказала она.

Женщина посмотрела на неё сверху вниз и ничего не ответила: в это время с лестницы спускался парень, у него в руках была шкатулка и одна из бабушкиных кофт.

— Пустая, — сказал он, ставя шкатулку на подлокотник кресла. — Ничего. Ни телефона, ни записки. Вещей нет, как будто уехала не в гости.

— Не в гости, — согласилась бабушка.

— Во-первых, тебя, сынок, не учили беседовать со старшими, — сказала бабушка, и светлые глаза её сверкнули. — А во-вторых, её нет.

— Давайте успокоимся, Роман, — сказала женщина. Голос у неё был ровный, со сталью. — Извинись.

— За что я должен извиняться? Она первая начала.

— Извинись.

Он посмотрел на неё и стушевался, втянул шею и стал похож на мальчишку, которого застали за разбитым окном.

— Прости, — сказал он, глядя в пол.

— И с этим детским садом мне приходится работать, —

проговорила женщина, не повышая голоса. Она вышла вперёд, и бабушка увидела её лицо целиком: молодая, спокойная, с ярко-голубыми глазами. — Меня зовут Нина. Я страж. Думаю, вы знаете, кто это.

— Знаю, — сказала бабушка. — А что вы от меня хотите?

— Не от вас, — с лёгким сарказмом ответила Нина.

Она смотрела бабушке в лицо, но взгляд у неё был не как у человека, который смотрит, а как у человека, который входит в дверь.

Бабушка почувствовала это, как чувствуют сквозняк: сначала лёгкое движение воздуха, потом давление в висках. Нина пыталась войти в её мысли.

Бабушка не отвела глаз. Под кофтой, на груди, лежал амулет, и она накрыла его ладонью, будто поправляла воротник. Амулет был тёплый, и тепло шло от него ровное, как от печки.

Давление усилилось, стало резким, как иголка, потом отступило, будто наткнулось на стену.

Нина чуть прищурилась. Бабушка не улыбнулась, но внутри у неё что-то шевельнулось, похожее на мстительное удовольствие: не такая простая попалась старуха.

— Я же сказала, её нет, — произнесла она. — Вы опоздали.

Воздух в комнате стал густым, и бабушка чувствовала его на языке, как перед грозой.

— И где же она? — выкрикнул второй парень из-за плеча

Романа.

У него дёргалось веко, и держался он хуже остальных.

— Хватит с ней цацкаться, она ничего не скажет!

— Она не глупая женщина, — сказала Нина, не повышая голоса.

Спокойствие в ней было таким, что от него становилось холодно. Она перевела взгляд на парня, и тот замолчал.

— Знает, что с ней будет, если она станет молчать. И знает, что мы не уйдём.

Бабушка слышала, как за окном ветер тронул жестяной подоконник, и этот звук показался ей громким. Сила амулета шла от груди по рукам, ровно и спокойно, и она держалась за неё, как за перила.

— Знаю, — сказала она. — Но вы тоже понимаете, что без боя я не сдамся.

— Если бы не знала, пришла бы одна, — ответила Нина. Тон у неё стал резким, как лезвие.

— Давай разойдёмся мирно. Сколько тебе ещё осталось? Ты понимаешь, что она останется одна. Посмотри вокруг: кто ей поможет? Её сила намного больше твоей, я чувствую это в самом доме. В ней больше чёрной магии, чем в тебе.

Она сделала шаг и вдруг остановилась. Голова чуть склонилась набок, будто она прислушивалась к чему-то внутри стен.

— Подожди. Она что, беременна?

Бабушка не ответила, но молчание было слишком явным.

— Ха, — выдохнула Нина. — Беременна от демона.

Слова прозвучали негромко, и от этого ударили сильнее. Оба парня за спиной переступили с ноги на ногу, один коротко и нехорошо усмехнулся. Бабушка почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Если бы ты только могла почувствовать, как её кровь сейчас бурлит, — добавила Нина. — Она может сойти с ума, если ей не помочь.

Она сказала это не как угрозу, а как человек, сообщающий о погоде.

— Не переживай, ей помогут, — ответила бабушка.

Голос у неё был холодный и твёрдый, как камень. Страх в глазах не было, была спокойная уверенность, нажитая за долгую жизнь.

— Глупая старуха! — закричал парень.

Лицо у него пошло пятнами, и в глазах поднялось что-то тёмное, мутное, как вода со дна.

— Её убьют, если ты не скажешь, где она!

В голосе была угроза, но уверенности в ней не было, и бабушка это слышала.

Нина нервничала. Бабушка заметила это раньше, чем поняла, в чём дело: у неё дрогнули пальцы. А потом глаза Нины начали меняться. Ярко-голубые, они темнели постепенно, начиная с радужки, как темнеет небо перед грозой, и в какой-то момент стали тёмно-серыми, почти чёрными.

По ним бабушка всё поняла.

Перед ней стояли люди из тёмного клана.

Значит, охота шла не только за спиной белых магов. Значит, за Юлей шли и те и другие.

За столько поколений это было первое дитя, в жилах которого текла одновременно кровь белых и тёмных. Два мира соединились и создали нечто новое, сильное, то, о чём предсказывали тысячу лет назад.

У бабушки перехватило дыхание. Сердце, сжатое от страха, наполнилось надеждой, и это было почти больно.

— Она издевается над нами! — крикнул один из парней, тыча в неё пальцем. — Смотрите, как она улыбается! Нужно кончать с ней!

Бабушка и правда улыбнулась, только сейчас это заметив. Улыбка вышла тонкая, одними губами, но она была.

— Вот ты, Роман, и займись этим, — сказала Нина.

Тон у неё был холодный и решительный. Она уже всё решила.

— А я пойду искать внуку. Она далеко уйти не могла. Я дала тебе шанс только потому, что дед любил тебя.

Бабушка смотрела на неё с удивлением, и Нина это заметила. Она усмехнулась, поправила сумку на плече и вышла, и калитка за ней хлопнула громче, чем следовало.

На улице было мокро и тихо. Нина пошла вниз, по той же дороге, по которой полчаса назад уехала машина, и на ходу прислушивалась к себе.

Волны шли от Юли ровно, как круги на воде, и не слабели.

Девочка была ещё в городе или сразу за ним, и Нина шла на этот свет, как идут на запах дыма.

Она прошла два квартала, и волны начали слабеть. Прибавила шаг.

Ещё через сотню метров они стали рваными, будто кто-то задувал свечу с двух сторон сразу.

Нина остановилась посреди улицы, повернулась на месте. От Юли не осталось ничего, кроме слабого фона, который бывает в любом городе и от любого человека.

Она задержала дыхание. Надежда таяла, и от этого хотелось стиснуть зубы. Времени было в обрез, искать нужно было сразу, пока след не остыл.

Нина вздохнула глубоко, закрыла глаза и произнесла заклинание поиска, вкладывая в него свою энергию.

Вокруг неё засверкали искры, закружились в воздухе и сложились в картину: слабые линии, пятна, светящиеся точки. Картина должна была показать, где находится Юля.

Ничего не показала.

Линии расплывались, точки гасли, и вместо направления получался клубок, в котором не было ни смысла, ни порядка. Энергия Юли была где-то там, Нина чувствовала её, но её будто закутали в невидимое покрывало и придавили края.

Так мог сделать только очень сильный маг. Такой, чьи силы были не меньше её собственных, а может, и больше.

Нина попробовала ещё раз. И ещё один. Искры вспыхивали и гасли, картина путалась, злость поднималась в груди,

и от злости руки становились тяжёлыми.

Кто мог так спрятать девушку? Этот маг не оставлял ни следа, ни намёка на себя, будто его и не было, будто он растворился в воздухе и впитался в мокрый асфальт.

С третьей попытки у неё получилось пятно в стороне от города. Нина рванула туда, прошла два квартала, свернула за угол и увидела пустой двор и лужу у качелей. Пятно расплылось.

Она выругалась сквозь зубы.

Времени не оставалось. Если она не найдёт Юлю в ближайшие дни, последствия будут такими, что никакие союзники не помогут.

Нина сжала кулаки, заставила себя не паниковать, развернулась и пошла обратно.

Мимо дома, из которого вышла, она не прошла. Остановилась на другой стороне улицы и посмотрела на окна.

В кухне горел свет. Кто-то ходил там, двигал стул, открывал и закрывал дверцу шкафа. Потом свет погас.

Нина постояла ещё секунду и пошла дальше.

В клан она вернулась к вечеру. На её пути встречались холодные взгляды: она шла мимо людей, стоявших у стен, и чувствовала эти взгляды на себе, как сквозняк.

Сейчас это не имело значения. В голове стучала одна мысль: недооценивать врага дорого, и эта цена уже начала расти.

В коридоре её остановил человек в сером.

— Ну?

— Ушла, — сказала Нина.

— Как?

— Её накрыли. Хорошо накрыли. — Она посмотрела ему в лицо. — Я не нашла ничего. Ни следа, ни направления.

Человек в сером молчал.

— Мне нужны люди, — сказала Нина. — Не эти двое. Те, кто умеет искать, а не пугать старух.

— Сколько?

— Сколько дадут.

Он кивнул и ушёл, и его шаги долго слышались в коридоре.

Нина осталась стоять. За окном был тот же мокрый вечер, что и в городе, и та же тишина, и она подумала, что девчонка сейчас где-то в этой тишине, живая, и что найти её нужно раньше, чем найдут другие.

Она не собиралась останавливаться.

На следующий день она была в посёлке.

Посёлок назывался Погорелое, и в нём было две улицы, магазин с вывеской «Продукты» и лужа посреди главной дороги, в которой плавала крышка. Нина оставила машину у магазина, вышла и постояла, слушая, как хлопают двери и лают собаки.

В магазине пахло хлебом и мокрой тряпкой. За прилавком сидела женщина в жилетке, с крашеными рыжими волосами и лицом человека, который знает всех и всё.

— Здравствуйте, — сказала Нина. — Мне нужна Ольга. Живёт где-то за лесом.

— Какая Ольга?

— Высокая, светлая. Муж Сергей, молчаливый.

Женщина — на бейджике было написано «Татьяна» — посмотрела на неё внимательно и поджала губы.

— Мало ли Ольг.

— За лесом, — повторила Нина. — Дом у ручья.

Татьяна стала выкладывать хлеб на полку, хотя полка была полная.

— Не знаю я никакой Ольги, — сказала она. — И дороги туда нет. Там лес, болото. Люди не живут.

Нина взглянула на её руки: та взяла буханку, потом поставила обратно, потом взяла снова.

— Спасибо, — сказала Нина.

На улице она достала телефон, но сеть была одна палка. Она пошла по дороге, и от магазина за ней увязалась собака: рыжая, с ободранным ухом.

В конце улицы стоял трактор, и возле него курил мужик в телогрейке. Он посмотрел на неё и не стал убирать сигарету.

— Здравствуйте, — сказала Нина. — Вы не подскажете, как проехать к дому Ольги?

Мужик затянулся, выпустил дым и уставился мимо неё, на лес.

— Не знаю такой.

— А лесник здесь есть?

— Я лесник.

— И не знаете?

— Я много чего не знаю. — Он сплюнул. — Я тут сорок лет живу и половины не знаю.

Собака села у его ног и смотрела на Нину.

Нина подошла ближе, и мужик не отступил, но что-то в его лице изменилось: он перестал жевать губами.

— Я не охотник, — сказала она тихо. — Я сторож. И я ищу не её. Я ищу тех, кто к ней придёт.

— Не знаю я никаких «тех».

— Они уже приходили. Двое, в чёрной машине.

— Мало ли кто ездит. — Он бросил окурок в лужу. — Это не моё дело.

Он пошёл к трактору, но у кабины обернулся.

— Слушай, — сказал он. — Ты бы уехала отсюда. Тут люди простые, а если что, я не помогу.

Он залез в кабину и завёл трактор, и железо заревело так, что говорить стало не о чем.

Нина вернулась к машине и села за руль. Она не сразу завела мотор. Смотрела на дворы, на занавески, на то, как в одном окне кто-то быстро отступил от стекла.

Врали все. Значит, девчонка была здесь, и была не одна.

Она завела мотор и поехала в ту сторону, где кончалась дорога. Проехала два километра, и дорога кончилась: дальше шла колея, заросшая травой, и в ней стояла вода.

Нина вышла. На мокрой земле виднелся след протектора,

свежий, будто кто-то ехал здесь после дождя. След уходил в лес и пропадал на траве.

Она постояла, глядя на этот след. Потом вернулась в машину, достала телефон и набрала короткий номер, который знала наизусть.

— Я на месте, — сказала она. — Дом в лесу, ближе я не подойду. Дайте мне троих и три дня, и я её оттуда выведу.

Она слушала ответ, и лицо у неё не менялось.

— Живой, — сказала она наконец. — Я помню. Живой.

Дом за лесом

Два часа дороги прошли почти в полном молчании.

Водитель вёл не быстро и не медленно, и за всю дорогу сказал три фразы: «Приехали», «Вас ждут» и «Бери».

Третья относилась к бумажному пакету из-под сиденья. В пакете был бургер, картошка и салфетки. Еда остыла, но пахла так, что у Юли закружилась голова, и она съела всё, не оставив ни крошки, и только потом подумала, что надо было спросить, куда они едут.

Живот тянул. Она расстегнула пуговицу на джинсах и прикрыла молнию курткой. Водитель не смотрел в зеркало.

Телефон показывал пустую полоску сети, перечёркнутую крестом.

Лес за окном встал стеной. Сумерки сгустились, дорога стала узкой, колеи глубокими, и машина шла по ним, как по рельсам. Пахло мокрой землёй и грибами.

Дом появился неожиданно. Приземистый, выросший в землю, с мхом на брёвнах, будто он прижался к земле и просил не трогать его.

— Приехали, выходи, — сказал водитель и вышел первым.

Юля осталась сидеть. Где-то далеко, очень далеко, слышался вой. Волки или собаки, отсюда не разобрать.

Она потянулась за рюкзаком и нащупала пакет с хлебом,

который бабушка сунула ей на дорогу. Хлеб был ещё мягкий, и от него пахло домом.

Из дома вышла женщина.

Высокая, светловолосая, в тёплом оранжевом платье и жилете поверх. Она шла быстро, и улыбалась ещё издалека.

— Юля! Чего ты там стоишь? Иди в дом!

Голос был тёплый, и от него то, что сжималось в груди два дня, отпустило на палец. Женщина обняла её крепко, как обнимают своих, и Юля не успела ни отстраниться, ни удивиться.

Внутри дом оказался просторнее, чем снаружи. Свет шёл из больших окон, ложился на пол полосами и поднимался к тёмным балкам.

Пахло не так, как должно пахнуть в деревянном доме. Юля ждала смолы, пыли, старой мебели, а пахло никак: чистым воздухом, будто комнату долго проветривали.

Лестница на второй этаж уходила вверх, и на ступенях лежала дорожка, вытертая посередине.

Из прихожей был виден коридор. В нём стояли две двери, одна приоткрыта, и за ней угадывалась кухня: там горел свет и что-то шкворчало.

На стене висели пучки сушёных трав, и от них пахло полыню и мятой. Ниже, на гвоздиках, фотографии в рамках.

На первой — Оля и водитель, молодые, на фоне моря. На второй — компания за длинным столом. На третьей — женщина со спины, в светлом пальто, и Юля задержала на ней

взгляд.

— Это моя подруга, — сказала Оля из кухни. — Давно. Больше она ничего не добавила.

Слева от коридора была ещё одна комната, и дверь в неё была закрыта, и половица перед ней вытерта так же, как ступени.

— Ты иди, садись, — сказала Оля. — Я сейчас.

Стол был отполирован так, что в нём отражался свет. Большой, за такой садятся двенадцать человек. Приборы лежали по кругу ровно, будто кто-то измерял расстояние линейкой.

Оля носила на стол всё новые блюда. Котлеты с золотистой корочкой. Цветную капусту в кремовом соусе. Тёплый хлеб, от которого шёл пар. Потом стакан компота, тёмно-красного, с ягодами на дне.

— Ты, наверное, голодна?

— Есть немного.

— Немного. — Оля поставила перед ней тарелку. — С дороги всегда немного.

В комнату вошёл водитель, и воздух переменялся. Тепло, которое держало Юлю в кресле, стало тоньше, как натянутая нить.

— Оль, хватит, — сказал он. — Нас только трое.

Оля обернулась, и улыбка на её лице сделалась чуть медленнее, будто огонь, которому не хватило воздуха.

— У нас так давно не было гостей. Я аж переволновалась.

— Она поставила последнюю тарелку. — Кстати, я забыла представиться. Меня зовут Оля, я старая подруга твоей бабушки. А это мой муж Сергей. С ним, думаю, ты уже знакома?

— Мы не разговаривали, — сказала Юля.

— Он у меня молчун. — Оля села напротив. — Ты ешь, ешь. Дорога длинная.

Вилка была тяжёлая, и в ней отражался свет.

— А где вы с бабушкой познакомились?

— Ой, я уже и не припомню. — Оля на секунду задумалась, и по лицу было видно, что она правда роется в памяти.

— Хотя нет. На рок-концерте в Юрмале.

— На рок-концерте?

— Представь себе. Мне было около двадцати, а ей примерно сорок. Она стояла у самой сцены и знала слова лучше, чем я.

Оля засмеялась, и в её голосе было столько живой радости, будто она снова оказалась в том зале, где пахло пивом, пылью и дымом.

— Бабушка на рок-концерте? Не может быть!

Юля рассмеялась, чтобы снять напряжение, и смех получился громким и коротким.

В ту же секунду живот у неё сжался.

Она согнулась. Улыбка исчезла, на лице осталась только тревога. Боль прошла через неё, как лезвие, и отпустила, оставив тянущее тепло.

Оля почувствовала это раньше, чем Юля успела сказать. Подошла, взяла за руки и повела к дивану у окна.

— Дай я посмотрю.

Она присела рядом и повела руками над животом, не касаясь, будто прислушиваясь к чему-то сквозь воздух. На лбу у неё выступила капля пота, и она не вытирала её, потому что руки были заняты.

Внутри у Юли что-то отозвалось: тихо, глубоко, будто кто-то перевернулся на другой бок.

Тревога на лице Оли сменилась радостью.

— Я чувствую, что здесь что-то особенное, — сказала она.
— Ты не одна.

Живот под её ладонью дрогнул. Один раз, мягко, будто кто-то внутри вежливо поддакнул.

Оля засмеялась, и в её глазах было не только счастье, но и удивление, будто она увидела то, чего не ждала.

— Что там? — спросила Юля.

— Ну, поздравляю. — Оля вытерла лоб тыльной стороной руки. — У тебя будет двойня. Две девочки.

— Вы о чём?

— Ты беременна, не знала? У тебя уже такой живот, как будто месяца четыре.

— Не может быть. Максимум пара недель.

В комнате стало тихо. Сергей, стоявший у двери, повернул голову, но ничего не сказал.

— Хм, — сказала Оля. — Я забыла, ты же ничего не зна-

ешь. У нас всё происходит быстрее. А у тебя тем более.

— Почему у меня тем более?

Оля помолчала, будто подбирала слова, которые не хотелось произносить.

— В тебе течёт древняя кровь. И очень сильная. Таких, как ты, больше нет.

— Почему?

— Четыреста лет назад, может, больше, кланы решили, что кровь мешать нельзя. — Оля отломил кусок хлеба. — Решили те, у кого её было меньше, и решили не для себя.

— А для кого?

— Для тех, кто ещё не родился. — Она посмотрела на Юлю. — Тех, в ком было больше, стали бояться. Потом называли плохими. А они нашли книгу.

— Книгу?

— Нашу. — Оля положила хлеб. — С тех пор её ищут все: и те, и эти.

Юля слушала и чувствовала, как слова ложатся тяжело, будто камни в карманы.

— А много таких, как я?

— Мало. — Оля помолчала. — В соседнем селе живёт ведьма. В городе, где ты снимала квартиру, на третьем этаже стоял вампир. Ты здоровалась с ним в лифте.

— Рядом?

— Всегда рядом. Обещаю, я всё расскажу и покажу, но сейчас тебе нужно поесть. С такими новостями на голодный

желудок нельзя.

Она подняла её за руку, нежно, но так, что не поспоришь, и повела к столу.

— Ешь. И не думай, что ты нам что-то должна.

— Я и не думаю.

— Думаешь. У тебя всё на лице.

Сергей сел с краю, налил себе тёмного чая и положил на колени салфетку. Ел он медленно, будто делал обычное дело, которое никуда не торопится.

За ужином Оля рассказывала, как они с Сергеем купили этот дом, как латали крышу, как зимой заносит дорогу так, что до посёлка не доехать. Сергей вставлял слова редко, но когда вставлял, Оля улыбалась и кивала.

— У нас тут тихо, — сказал он один раз и посмотрел на Юлю. — Это хорошо. Только тишина бывает разная.

Юля не поняла, что он имеет в виду, и не стала спрашивать.

После ужина Оля отвела её на второй этаж. Лестница скрипела под ними по очереди, и наверху было темнее: окна выходили в лес, и за стеклом ничего не было видно, только своё отражение.

Дверь щёлкнула мягко. Комната была в бежевых тонах, на подоконнике стояли цветы в горшках, пахло землёй и листьями.

— Полотенца в шкафу, — сказала Оля. — Вода в кувшине. Если что-нибудь понадобится, я внизу.

— Спасибо.

— Спи. Утром поговорим.

Дверь за ней осталась приоткрытой на палец.

Юля села на кровать. Одеяло пахло свежестью, как после проветривания. Она легла, и тело, которое держалось весь день, разом сдалось.

Снизу доносились голоса: Оля что-то говорила, Сергей отвечал коротко, потом звякнула посуда. Слов было не разобрать.

Потом голоса стихли, и в доме стало тихо так, что Юля слышала, как в стене потрескивает проводка.

Она встала и подошла к окну.

Лес стоял чёрной стеной. Внизу, под окнами, на ступеньке крыльца сидел Сергей. Не курил, ничего не делал. Просто сидел и смотрел в лес, и в руке у него был фонарь, выключенный.

Юля постояла, держась за подоконник.

И в глубине леса, далеко, между стволами, мигнул огонёк. Один раз. Потом ещё раз, через ровный промежуток. Как будто кто-то шёл и прикрывал ладонью свет.

Огонёк двигался неровно, с паузами, и в одной из пауз Юле показалось, что рядом с ним стоит что-то ещё. Не человек. Что-то высокое, тоньше ствола, и оно не двигалось, пока огонёк не пошёл дальше.

Она прижалась лбом к стеклу. Стекло было холодное, и от этого зрение стало резче.

Ничего. Огонёк, стволы, темнота. И всё-таки она стояла и смотрела, пока пальцы не замёрзли.

Сергей поднялся. Не резко, спокойно, как человек, который ждал этого.

Он не включил фонарь. Он стоял и смотрел туда, и огонёк в лесу погас.

Юля ждала, что он пойдёт в дом или в лес. Он не пошёл никуда.

Через минуту он обернулся и поднял голову, будто знал, что она стоит у окна. Лица было не разобрать, но она была уверена, что он смотрит прямо на неё.

Он поднял руку: короткий жест, ладонью вниз. Как говорят собаке «сидеть».

Юля отошла от окна.

Она легла и накрылась одеялом с головой, как в детстве, и лежала так, слушая собственное дыхание.

Потом подумала о бабушке. Как она там, одна, в доме, где три дня назад всё было по-другому. Что она скажет ей, когда сможет позвонить.

Потом подумала о животе.

Лежала и считала.

Первый раз с ней это было в начале октября, и потом ещё дважды, и она помнила все три раза, потому что их было мало и она запоминала их так, как запоминают редкие вещи. Значит, от силы три недели. Может, две.

Оля сказала: четыре месяца.

Юля посчитала снова, медленно, загибая пальцы под одеялом. Потом ещё раз. Получалось одно и то же: две недели, ну три. Никак не четыре.

Она лежала и смотрела в темноту, и в темноте ничего не менялось.

Мужчина был один. В этом она не сомневалась ни секунды: до Игоря у неё никого не было, а после Игоря не было тем более. Значит, дело было не в мужчине. Дело было в ней.

Внутри у неё было тихо. Ни толчка, ни тяжести, только тепло под ладонью. Но она лежала и думала: если они растут втрое быстрее, то сколько им осталось? Месяц? Две недели? И кто решает, когда им выходить, — она или они?

Она попробовала представить две колыбели и не смогла: вместо колыбелей в голове были серые стены и запах гари.

Потом ей стало стыдно.

Не за Игоря и не за Галку. За себя: ей следовало сейчас чувствовать то, что чувствуют в кино, — слёзы, умиление, разговор с животом. А она чувствовала только, что её обманули, и обмануло не чужое, а своё тело: взяло и распорядилось без спроса.

— Простите, — сказала она шёпотом, в темноту. — Я потом.

Она лежала и слушала, как внизу ходят.

Половицы скрипели неровно: человек останавливался, что-то передвигал и шёл дальше. Потом скрип ушёл в кухню, и стало слышно, как открылась дверца шкафа.

Юля встала. Надела кофту поверх футболки и вышла на лестницу, и ступени были холодные.

В кухне горела лампа, прикрученная почти до жёлтой точки. Сергей сидел за столом, а перед ним лежал сапог, голенище, ремень и шило. Он чинил крепление, и делал это медленно, как делают люди, которым не спится.

Он поднял голову, когда она вошла, и не удивился.

— Вода в кувшине, — сказал он.

— Спасибо.

Юля налила себе и села напротив. Сапог был старый, стоптанный на внешнюю сторону, и на нём уже стояла одна новая заплатка.

— Вы не спите, — сказала она.

— Я мало сплю.

— Совсем?

— По-разному. — Он продел ремень в пряжку и потянул.

— Тебе надо спать. Завтра будет длинный день.

— Мне не спится.

— Это нормально.

Юля подержала стакан, потом поставила.

— Можно спросить?

— Спрашивай.

— Зачем вы это делаете?

Сергей не ответил сразу. Он затянул ремень, проверил, как держит, и отложил сапог.

— Ты про что?

— Про всё. Про дом. Про то, что вы прячете таких, как я. Вам-то что с этого?

Он посмотрел на лампу, потом на неё.

— Ничего, — сказал он. — С этого ничего не бывает.

— Тогда зачем?

— Потому что однажды мы уже не спрятали.

Он сказал это без нажима, и от этого стало хуже, чем если бы он повисил голос.

— Это была Тоня? — спросила Юля.

— Тоня.

— Расскажите.

Сергей взял шило и повертел его в пальцах.

— Она пришла зимой, пешком, в чужих ботинках. Ей было девятнадцать. Оля её отмыла, накормила и сказала: поживёт. — Он помолчал. — Я тогда сказал, что это плохо кончится. Я часто так говорю, и часто бываю прав, и это не то, чем стоит гордиться.

— И что?

— И она прожила у нас восемь месяцев. — Он положил шило. — Она была смешливая. Всё время что-то мастерила, вязала из травы, ставила на подоконник. Оля говорила: не привыкай. А сама привыкла первая.

Юля ждала.

— Пришли ночью, — сказал Сергей. — Не за ней. За нами. Она могла уйти через сад, я ей показал тропу ещё в первый день. Не ушла. Вышла к воротам и стояла, чтобы они не

пошли в дом.

— Почему?

— Я её спрашивал потом. — Он усмехнулся, коротко и невесело. — Она сказала: «А если они вас?»

В кухне стало тихо. В стене тикала проводка, и часы на полке шли, и Юля вдруг слышала их отдельно.

— Дом сгорел, — сказала она.

— Сгорел.

— А вы?

— А мы уехали. — Сергей взял сапог и снова взялся за ремень. — Взяли то, что влезло в машину, и уехали. Восемь месяцев, а помню до сих пор, где что стояло.

Юля смотрела на его руки. Они были спокойные, и от этой спокойности ей стало не по себе.

— И после этого вы всё равно продолжаете, — сказала она.

— Оля продолжает. — Он продел ремень в пряжку. — А я рядом.

— Почему?

— Потому что если я не буду рядом, она будет одна.

Он затянул пряжку и обрезал лишнее.

— Я тебе это рассказал не для того, чтобы ты чувствовала себя обязанной, — сказал он. — Я рассказал, чтобы ты понимала, куда попала. Здесь не спасают. Здесь просто не отдают.

— Это одно и то же?

— Нет. — Сергей положил сапог на пол. — Совсем нет.

Он встал и вымыл руки, и вода шла громко. Потом взял лампу и посмотрел на Юлю через её свет.

— Иди спать. И вот что: если ночью захочешь выйти во двор — не выходи. Даже за водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.